

В последние годы своей жизни, писал Ильин, великий художник устает от рассудочного проповедничества и «начинает художественно петь». Он начинает сам жить добром и любовью, к которым стремился. Он бросает свое вечное «нет». «Великое сердце поет; и его стиль – такой беспомощно запутанный, такой тяжеловесный, такой узловатый, такой громоздкий в его доктринерских сочинениях, становится вдруг снова легким, естественным и плавным; как весенний воздух, струятся фразы; как сама жизнь возникают перед нами образы; словно песня проносится в художественном пространстве каждая его новелла, и читатель порой даже не замечает, что к концу ее сердце его купается в неге умиления, а на глаза наворачиваются слезы радости. <... > И зрелое мастерство его достигает своих высот»¹. Конкретная связь духовного акта Л.Н. Толстого и его проповеди о непротивлении злу силой была прослежена в отдельной публикации².

В.И. Копалов, Л.Г. Копалова

ТВОРЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО АКТА В РАБОТЕ И.А.ИЛЬИНА «ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ»

*Человек с поющим сердцем есть
остров Божий – Его маяк, Его посредник.*

И.А. Ильин

«Есть только одно истинное “счастье” на земле – *пение человеческого сердца*. Если оно поет, то у человека есть почти все; *почти*, потому что ему остается еще позаботиться о том,

¹ Ильин И.А. Лев Толстой – художник и человек. С. 485 – 486.

² Гончаров С.З. Лев Толстой и Иван Ильин: Этика морального дезертирства и нравственное мужество служения Отечеству // Русская философия о человекотворческой основе гуманитарного образования: сборник научных статей 9-й Всероссийской научно-практической конференции, 15-16 нояб. 2012 г., Екатеринбург / отв. ред. С.З. Гончаров / ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т» Екатеринбург, 2012. С. 202 – 241.

чтобы сердце его не разочаровалось в любимом предмете и не замолкло... Где-то там, в самой интимной глубине человеческого сердца, дремлет некое духовное око, призванное к созерцанию божественных содержаний земли и неба. Это таинственное око со всей его восприимчивостью и зрячею силою надо будить в человеке в самом раннем, нежном детстве, чтобы оно проснулось от своего первоначального сна, чтобы оно открылось и воззрилось в богозданные пространства бытия со священной и ненасытной жаждой созерцания. Это око, раз пробудившееся и раскрывшееся, подобно обнаженному чувствилищу, которое останется всю жизнь доступным для всего, что таит в себе Божий огонь; оно воспринимает каждую искру живого совершенства, радуется ей, любит ее, вступает с ней в живую связь и зовет человека отдать его личные силы на служению Божьему делу»¹.

Эти удивительные строки принадлежат выдающемуся русскому философу Ивану Александровичу Ильину. В октябре 2005 г. прах И.А. Ильина был возвращен на родину и перезахоронен в Донском монастыре Москвы. Год спустя результаты многолетних трудов И.А. Ильина вернулись на родину. Несколько десятков книг и брошюр, свыше шестисот статей, ста лекций, большое количество писем, машинописных и рукописных материалов, стихотворения, поэмы, воспоминания, а также личные вещи Ильина – все это составляет архив знаменитого мыслителя.

Возвращение архива И.А. Ильина – еще один шаг на пути преодоления разделения русского народа и русской мысли, которое произошло во время революции и гражданской войны. По завещанию И.А. Ильина его архив должен быть передан Московскому университету, в котором философ учился и преподавал. С 1965 г. архив, сохраненный учениками философа,

¹ *Ильин И.А.* Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Соч.: в 2-х т. Т. 2. М., 1994. С. 467 – 468.

находился в Соединенных Штатах Америки, в библиотеке Мичиганского университета и 1 июня 2006 г. был передан фундаментальной библиотеке Московского университета. Возвращение идейного и творческого наследия И.А. Ильина на родину несомненно будет способствовать глубокому освоению его содержания и творческому исследованию этого наследия нами – благодарными потомками выдающего русского мыслителя.

* * *

В творческом наследии И.А. Ильина есть три удивительные книги, жанр которых определить очень непросто – это философско-художественные, нравственно-религиозные, православно-ориентированные размышления, эссе, аналогичных которым нет в русской художественной и философской литературе. Эти книги – «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий», «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» и «Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований» – совершенно отличны и от гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями» и от «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского. Наверное, и в мировой литературе в один ряд с этими книгами Ильина можно поставить лишь «Мысли» Б. Паскаля. Эта уникальная трилогия выдающегося русского мыслителя практически еще не была предметом специального анализа в нашей философской литературе. Лишь Ю.Т. Лисица – известный публикатор сочинений Ильина, редактор и комментатор его собрания сочинений дал развернутую характеристику этих уникальных книг в историко-биографическом очерке «Иван Александрович Ильин», который предваряет первый том Собрания сочинений русского философа. Мы считаем вполне уместным привести оценку Ю.Т. Лисицы в максимально полном варианте.

«В конце 30-х – первой половине 40-х годов, – пишет Ю.Т. Лисица, – И.А. Ильин создал на немецком языке трехтомную

серию книг, связанных единым внутренним содержанием и замыслом. В них он попытался ответить на постепенно восходящие от простого к сложному вопросы, которые жизнь ставит перед каждым из нас. Этот знаменитый немецкий «триптих» назывался «Ich schau ins Leben. Ein Buch der Besinnung» (Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий). Berlin, 1938 и 1939; «Das verschollene Herz. Ein Buch stiller Betrachtungen» (Замирающее сердце. Книга тихих созерцаний). Bern, 1943; Blick in die Ferne. Ein Buch der Einsichten und der Hoffnungen (Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований), Zurich, 1945. Русские варианты этих книг автор предполагал назвать несколько иначе: «Огни жизни. Книга утешений», «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» и «О грядущей русской культуре». Задуманную работу Ильин полностью не осуществил. Он написал по-русски только «Поющее сердце», а также включил некоторые главки из остальных книг этого цикла в другие свои произведения, изданные на русском языке. Русский вариант второй книги «триптиха» был издан впервые вдовой философа Н.И. Ильиной: Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. Мюнхен, 1956»¹.

Продолжим аналитическую характеристику трилогии Ильина Ю.Т. Лисицей, где он дает свидетельства и оценки учеников Ильина и его последователей. «Эти три книги, – писал его ученик Р.М. Зиле, – представляют собою совершенно своеобразное литературное творчество: это как бы сборники не то философских эскизов, не то художественных медитаций, не то просветительно-углубленных наблюдений на самые разные темы, проникнуты одним единым творческим писательским актом – ВО ВСЕМ ВИДЕТЬ И ПОКАЗАТЬ «БОЖИЙ ЛУЧ».

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 568.

Н.П. Полторацкий относил философские опыты Ильина к акту духовно-сердечной повседневности, к акту мирозерцания и к акту нового культурного творчества.

Не совсем адекватное, или совсем неадекватное, название дает Ильин русским вариантам своих книг: 1. «Огни жизни. Книга утешений», 2. «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», 3. «О грядущей русской культуре». В 1947 году он закончил вторую из них, в 1948 году писал и готовил третью, но издателя не нашел и «Поющее сердце» было впервые издано его женой Натальей Ивановной Ильиной после его смерти в 1958 году. Сам Ильин об этой книге писал так: «Она посвящена не богословию, а тихому *философическому* Бого-хвалению. Так и называется в подзаголовке: «Книга тихих созерцаний». Это есть часть написанного мною за эти года по-немецки «книжного триптиха». 1. «О человеческой жизни», 2. «Поющее сердце», 3. «О грядущей культуре». Этим триптихом я пытаюсь заткать ткань новой философии, насквозь христианской по духу и стилю, но совершенно свободной от псевдофилософского «богословствования» наподобие Бердяева-Булгакова-Карсавина и прочих дилетантствующих ересиархов... Это философия – простая, тихая, доступная каждому, рожденная главным органом Православного Христианства – *созерцающим сердцем*, но не подчеркивающая на каждом шагу своей «школы». Евангельская совесть – вот ее источник. Кто ее почувствует и примет, тот сам пойдет в Православие. Это, если угодно, – подготовительная проповедь «на паперти».

Первый и третий тома этого триптиха еще не рождены по-русски; а писание по-русски есть совсем новое «рождение в Духе». А второй том готов». Далее Ильин говорит, что вложил в эту книгу «много мысли, чувства и молитвенного вдохновения...»

«Поющее сердце» для Ильина было не просто названием; он считал, что «человек по существу своему *живой, личный дух*» и найти начало духовности нужно в себе самом; в его многозначном описании и определении дух понимается «как *сила поющего сердца*». Теперь будет понятно, как он сам справляется с этой задачей – от «замирающего», «отзвучавшего», «притихшего» сердца к пробудившемуся, ожившему, поющему сердцу, что подтверждается намерениями (по замечанию католического священника из Бонна Вольфганга Офферманса, исследователя Ильина) автора: «Я, конкретно живущий здесь и теперь человек, должен поразмыслить и усмотреть, благодаря своему жизненному опыту, сущность свою: заново открыть в себе поющее на протяжении столетий сердце – средоточие моих чаяний и дум, в тихом созерцании получить представление о смысле жизни и ощутить задачи и упования свои перед Богом».

Если попытаться кратко выразить суть творчества, жизни и подвига Ивана Александровича, то лучшего определения, чем «Поющее сердце», к нему не подобрать – в этом весь Ильин. Не случайно замечательный русский художник Юрий Селиверстов готовился создать портрет Ильина к своей «Русской думе», опираясь на лейтмотив жизни этого мыслителя – Поющее сердце..., и только преждевременная смерть художника помешала осуществлению этого замысла, близкого к образу реального Ильина»¹.

Столь пространные извлечения из «Историко-биографического очерка» имеют для нас двоякую цель: во-первых, представить степень исследования темы, во-вторых, воздать должное неутомимому исследователю, ревнителю творчества Ильина проф. Ю. Т. Лисице, благодаря которому мы получили возможность всесторонне познакомиться с

¹ Лисица Ю.Т. Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. С. 33-35.

сочинениями И.А. Ильина, которые ранее были почти неизвестны на его родине, в России.

* * *

Можно ли сделать предметом специального философского анализа такую специфическую книгу Ильина из «книжного триптиха» как «Поющее сердце»? Ответ: можно и даже необходимо, но чрезвычайно трудно. Трудно потому, что «философическое Бого-хваление» невозможно в полной мере выразить на языке философских категорий и изощренных логических аргументов; трудно потому, что свободная литературно-художественная форма, которую Ильин стремился «заткать ткань новой философии», еще не обрела достойной автора литературно-критической аргументации. Тем не менее, это сделать необходимо, и прежде всего для того, чтобы ввести в университетские курсы лекций по истории русской философии и в исследовательский оборот столь уникальные творения русского мыслителя.

По своей структуре «Поющее сердце» Ильина состоит из пяти глав и тридцати двух менее дробных единиц (назовем их главками, каждая из которых занимает от трех до шести страниц), а также Предисловия и Послесловия. По нашему мнению, в «Поющем сердце» следует последовательно проанализировать герменевтический, онтологический, экзистенциальный, нравственно-религиозный и метафизический аспекты ильинского философского шедевра. При этом надо отметить, что столь многоплановое рассмотрение «Поющего сердца» это не анатомия единого целого, а скорее, выявление некоей симфонии, сложной архитектоники, которая становится доступной только после глубокого осмысления этой книги. Но когда эти скучные философские понятия – онтология, метафизика и др. облекаются под пером Ильина в прекрасные образы и искрометный

литературный язык, мы воочию видим, сколь безграничны возможности философии, которая у автора имеет своим истоком Православное христианство.

Герменевтика «Поющего сердца»

На первый взгляд, ни о какой герменевтике автор не говорит ни слова. «Поющее сердце» начинается с Предисловия, название которого «О чтении». Здесь мы встречаем проникновенные слова И.А. Ильина об авторском замысле, о том значительном, важном и драгоценном, которое автор сумел выразить в точных словах и верных образах. И поэтому автор всегда тревожится о том, правильно ли поймет его читатель, постигнет ли он те смыслы и значения, которые автор заключает в образно-понятийной форме. «Каждый писатель, – говорит И.А. Ильин, – тревожится о том, как его будут читать? Поймут ли? Увидят ли то, что он хотел сказать? Почувствуют ли то, что любило его сердце? И кто будет его читать? От этого зависит так много... . И прежде всего – состоится ли у него желанная духовная встреча с теми далекими, но *близкими*, для которых он втайне писал свою книгу?»¹.

Ильин говорит о том, что ответственный писатель вынашивает свою книгу долго, годами, иногда – всю жизнь, отдает ей лучшие свои силы, свои вдохновенные часы, «болеет» ее темой и «исцеляется» писанием. А потом... книга отрывается от автора, уходит к неизвестному далекому читателю, может быть – легковесно-капризному, может быть – враждебно-придирчивому. «Читать – значит *искать* и *находить*; ибо читатель как бы отыскивает скрытый писателем духовный клад, желая найти его во всей его полноте и присвоить его себе. Это есть *творческий* процесс, ибо воспроизводить значит творить. Это есть борьба за духовную встречу, это есть *свободное единение* с тем, кто впервые приобрел и закопал искомый клад. И тому, кто

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 307.

никогда этого не добивался и не переживал, всегда будет казаться, что от него требуют «невозможного»¹.

Вот это и есть самая настоящая герменевтика как наука постижения смыслов и значений, которые были когда-то «зашифрованы» автором в его сочинении, и которые современный читатель и исследователь должен выявить, обнаружить и превратить в свое интеллектуальное достояние. Герменевтика – это диалог автора и читателя, зачастую это диалог во времени, в том числе, диалог различных культур, к которым принадлежат автор и читатель. Современный читатель и исследователь призваны освоить текст; вживание, переживание, понимание и интерпретация текста – необходимые этапы его постижения. В философии были весьма различные варианты, характеризующие герменевтику как процесс бесконечного углубления в смыслы и значения текста. Так, Ф. Шлейермахер требовал полного достижения конгениальности, то есть схождения по духу, образу мыслей, дарованию, художественной манере читателя с автором. Однако современные исследователи выдвигают иной принцип – «сплавления горизонтов» (Г. Гадамер), поскольку читатель не может полностью идентифицировать себя с автором. В ином случае он может утратить свое собственное «Я».

Все эти нюансы чрезвычайно последовательно проведены Ильиным в Предисловии к «Поющему сердцу». «Это означает, что читатель призван верно воспроизвести в себе душевный и духовный акт писателя, зажить этим актом и доверчиво отдаться ему. Только при этом условии состоится желанная встреча между обоими и читателю откроется то важное и значительное, чем болел и над чем трудился писатель. Истинное чтение есть своего рода *художественное ясновидение*, которое призвано и способно

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 309.

верно и полно воспроизвести духовные видения другого человека, жить в них, наслаждаться ими и обогащаться ими..., и вместе с автором художественно и мыслительно постигать сущность богозданного мира»¹.

Тексты всех книг и статей И.А. Ильина направляют помыслы читателя к сокровищам русской культуры. Поэтому указание автора, что читателю надо *чувствовать сердцем* и *созерцать из сердца*, необычайно важно для нас – его благодарных читателей. «Книга, для которой я пишу это предисловие, - говорил И.А. Ильин, - выношена в сердце, написана от сердца и говорит о сердечном пении. Поэтому ее нельзя понять в бессердечном чтении. Но я верю, что она найдет своих читателей, которые верно поймут ее и увидят, что она написана для русских о России»².

Эта вера Ильина, его пророчество осуществилось: его книгу читает благодарная Россия, читает и учится творческому акту ее великого мыслителя.

Онтология «Поющего сердца»

В своей книге И.А. Ильин раскрывает Божественные основания бытия и человеческого существования. Целый ряд разделов книги посвящен миру природы, которая раскрывает сущность богозданного мира: Облака, Раннее утро, Горное озеро, Горы, Огонь, У моря, Мировая пыль, Божия ткань. Все эти главы и главки – самое настоящее «философическое Бого-хваление». Все стихии мира – вода, огонь, земля, воздух – результат Божественного творения и, благодаря этому, человек неразрывно, кровно связан с ними, укоренен в них, получает через них великие Божественные дары и грозные предостережения.

Облака дают нам самозабвение, уводят от дневной заботы, смягчают и утоляют наш гнев, разрешают все судороги души,

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 309.

² Там же.

угашают ее жадность, рассеивают ее сумерки, смягчают ее упрямство. «Этот дар дается нам для того, чтобы нам было куда спастись из этого перенапряженного, замученного мира с его злобою и тяготою, с его чрезмерными требованиями... Великое зрелище, Щедрый дар. Небесная картина. Божия беседа и Божие утешение... Кто созерцает облака и живет в них сердцем, тот видит сны наяву, сны о возможном и приближающемся совершенстве.... Может быть, это снятся нам дивные помыслы Божии, легким дуновением покинувшие лоно Его?...»¹.

Почему столь благотворное впечатление производит на нас раннее утро, когда вся тварь Божия купается в нем, наслаждается, отвечает благоуханием или пением. «Но именно потому человек бывает так счастлив, когда проснется в ранний час и приобщится пробуждению исцеленного мира; - когда подышит очистившимся воздухом, увидит обновленную природу, услышит ликование пернатой твари, получит прощальный привет от гаснущих звезд и почувствует в начавшемся дне, в восходящем солнце и в его первом, дивно-прохладном дуновении – дыхание самого Бога. Тогда он начинает день, как если бы вновь родился для жизни: ибо его сердце очистилось, и воля его живет надеждами; освежилось и обновилось его воображение, и окрылились его замыслы....

Каждый день несет нам этот блаженный ранний час, ибо каждое утро есть Божие утро, а мы не помним этого и проходим в жизни мимо Божией благодати, не умея находить и беречь ее дары»².

После сотворения мира земля ощутила свои пределы, увидела себя голой, пустынной и беспомощной. И стала она роптать, и возмутилась, и поднялась. Это восстание было влечением к небу и Богу. «Поэтому благословил Господь это

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 342 – 343.

² Там же. С. 366.

восстание земли и не позволил ему распасться в ничтожество, но повелел ему сохраниться навеки: возноситься к небу молчаливой молитвой, пробуждаться с благодатной зарей и блаженно расцветать в последних лучах уходящего солнца. А человеку Господь повелел созерцать эту таинственную запись прошлого и постигать ее сокровенный смысл.

И созерцая ее, мы называем ее ныне *горами*»¹.

Блики огня производят неизгладимое впечатление смотрящего на огонь человека. Пламя, подобно ветру, есть самое легкое и подвижное существо мира. Еще Гераклит Эфесский в своих поэмах воспевал огонь как божественную первостихию мира. Восприятие огня открывает человеку самую сущность мироздания, дает возможность прикоснуться к краю ризы Божией. «Но мир создан в благом порядке. Благостно и мудро распределены среди твари дары огня. Каждое существо приобщается ему лишь в меру своих сил и способностей, приемля лишь столько от его света, от его напряжения, от его могущества, сколько оно в состоянии вынести. И все, что приемлет от огня, приемлет как бы *искру Божию* – чтобы достойно отвечать самому Творцу и Его дивному миру из глубины своего естества.... Но у человека, существа мыслящего и созерцающего, свет глаза преодолевает свою животную неистовость и лучится одухотворенно в обращении к миру и молитвенно в обращении к Творцу»².

Все стихии мира – огонь, вода, воздух, земля, горы и море составляют единую Божественную ткань, в которую вплетены все мы, и вместе с тем зависим друг от друга. Онтологические основания бытия, согласно христианскому мирозерцанию, – продукт Божественного творения. И человек также является неотъемлемым элементом этой сущности. «Все мы нити в ткани

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 398.

² Там же. С 409.

Божией; и пока мы живем на земле, дано нам эту ткань беречь и крепить. Помнишь ты, был хитон у Спасителя, несшитый, цельный, весь тканый сверху до низу. Вот этот хитон нам помнить надо. Все мы – нити его и по смерти призваны врасти в него. Помни о нем. Это ткань Божия. Береги ее в земной жизни: каждую нитку крепи, от сердца ревнуй. Сердце больше всего слушай. О чем оно вздохнет, то и делай. И все будет хорошо»¹.

Нравственно-религиозные мотивы в «Поющем сердце»

Нравственно-религиозные искания и мотивы воплощены во всей книге И.А. Ильина. Но наиболее концентрированно они представлены в следующих разделах: Без любви, О справедливости, О щедрости, О совести, Что есть оптимизм? и Об искренности. В отличие от Спинозы, который полагал, что основанием нравственности является счастье человека, и от Канта, который рассматривал долг как базовое начало нравственного поведения, всецело определяемого самосознанием индивидуума, И.А. Ильин, будучи православным мыслителем, убежден, что истоки нравственности человека имеют божественное происхождение. Критерий нравственности должен быть не политический и не эстетический, не консервативный и не либеральный, не формально-этический, а религиозный. Ильин утверждает, что только созерцающая любовь открывает человеку доступ к религиозности и к Богу. Только в акте совести человек воспринимает от Бога откровение, любовь и свет новой жизни. А искренность есть дар Бога и сокровище человека. Следовательно, в «Поющем сердце» мы находим ясную, последовательную нравственную философию, которая укоренена в основных постулатах православного мирозерцания.

Ильин вопрошает: можно ли прожить без любви, заменят ли ее сильная воля, благая цель или борьба с носителями зла? И он

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 439.

отвечает: «Нельзя человеку прожить без любви, потому что она сама в нем просыпается и им овладевает. И это дано нам от Бога и от природы. Нам не дано произвольно распоряжаться в нашем внутреннем мире, удалять одни душевные силы, заменять их другими и насаждать новые, нам не свойственные. Можно воспитывать себя, но нельзя сломать себя и построить заново по своему усмотрению»¹.

Любовь – главная выбирающая сила в жизни, главная творческая сила человека. Все великое и гениальное, что было создано человеком, было создано из созерцающего и поющего сердца. Самое главное и драгоценное в жизни человека открывается его сердцу через любовь. Утрата любви привела современное человечество к духовному кризису. Злоба стала повседневным явлением, а это значит, что следует встать на защиту любви, показать ее благотворную силу и ее божественное происхождение. «Творящий человек должен внять мировой глубине и сам запеть из нее. Он должен научиться созерцать сердцем, видеть любовью, уходить из своей малой личной оболочки в светлые пространства Божии, находить в них Великое – сродное – сопринадлежащее, вчувствоваться в него и создавать новое из древнего и невиданное из предвечного»².

Совесть как некая властная сила овладевает нашей душой, нашим сердцем и нашей волею. Она заставляет человека забывать о себе, делает его милосердным, самоотверженным, не требующим воздаяния. На задний план уходят все трудности личной судьбы – скорби, заботы, лишения и расчет здравого смысла. «Совесть утверждает, созидает и укрепляет духовно-личное начало в человеке. Но лично-мелкое, лично-страстное, лично-жадное, лично-порочное отодвигается в нем и уступает место Дыханию высшей жизни, побуждениям и содержаниями

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 311.

² Там же. С. 312.

Царства Божия.... Человек становится как бы живым и радостным органом великого и священного Дела, т.е. Божьего Дела на земле»¹.

Так и искренность является Божиим даром. Искренность есть мужество, преданность, чистота душевных помыслов. Искренность – благостная и благодатная сила, сила живого, поющего сердца. «Сердце может любить только искренне; неискренняя любовь совсем не любовь. Сердце может петь только искренне: фальшивое пение фальшивого сердца не звучит перед Богом. Сердце может молиться только искренно: молитва, не восходящая из сердечной купины, есть предчувствие несостоявшейся молитвы или же простое притворство. Неискренняя вера есть самообман и симуляция. Неискреннее искусство – фальшиво и нехудожественно. Неискренняя доброта есть противное лицемерие»².

Экзистенциальные темы в «Поющем сердце»

В книге И.А. Ильина довольно большой пласт проблем, которые принято называть экзистенциальными. Это темы и мотивы, связанные с индивидуальным, личным мироощущением человека, переживанием им своей собственной судьбы с ее лишениями, горестями, угрозами, ожиданием неотвратимой кончины. Этим проблемам И.А. Ильин посвящает следующие разделы: Ненависть, Вина, Дружба, Лишения, Здоровье, Возраст, Терпение, Страдание и Одиночество. Традиционная философия экзистенциализма западного толка рассматривает человека в «пограничной ситуации», когда ему открывается собственная экзистенция как проявление «самости» человека, его конечной сущности.

Ильин рассматривает экзистенциальные проблемы, которые встречаются в жизни каждого человека, как Божественное

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С453 – 454.

² Там же. С. 465.

попечение о человеке, наставление его на путь истинной благой жизни. Духовное преодоление – основной путь решения экзистенциальных ситуаций. Ненависть преодолевается любовью; вина – страданием, раскаянием и искуплением; лишения – мужеством; страдание – терпением, молитвой и духовным очищением; болезнь требует терпения, равновесия духа, целесообразности и меры; терпение, вынесение жизненных тягот достигается через выдержку и духовную неустрашимость.

Никто не может избежать страдания, это судьба человека. С нею надо примириться, принять как данное, научиться страдать достойно и одухотворенно. Ильин отмечает, что дар страдания нам ниспослан Богом. А без страдания всем нам, и нашему достоинству, и нашему духу, и нашей культуре пришел бы скорый и трагичный конец. «Какою глубиной светятся глаза страдающего человека!.. Как элементарна, как непривлекательная улыбка, если она совсем не таит в себе хотя бы прошлого страдания! Какая воспитательная и очистительная сила присуща духовно осмысленному страданию! Ибо страдание пробуждает дух человека, ведет его, образует и оформляет, очищает и облагораживает.... Духовная дифференциация, отбор лучшего и всяческое совершенствование были бы невозможны на земле без страдания. Из него родится вдохновение. В нем закаляется стойкость, мужество, самообладание и сила характера. Без страдания нет ни истинной любви, ни истинного счастья. И тот, кто хочет научиться свободе, тот должен преодолеть страдание»¹. Ильин добавляет, что именно молитва есть зов о помощи, направленный к Богу; она становится творческим началом преображения и просветления моего существа.

¹ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 419.

Метафизика «Поющего сердца»

В своей книге И.А. Ильин уделяет большое внимание предельным основаниям человеческого бытия, которые традиционно принято называть метафизическими, и которые нашли отражение в таких разделах книги, как О смерти, О бессмертии, О мировой скорби, О духовной слепоте и О молитве. Именно эта проблематика ставит и решает вопросы о связи каждого человека с трансцендентным – Богом, свободой воли, смертью и бессмертием. Страшно нам, земнородным, говорит И.А. Ильин, помышлять о смерти. Вопрос встает за вопросом и остается без ответа. Тьма. Бездна. Конец. Но так судит о смерти лишь тот, кто или совсем лишен духовного опыта, или не желает пребывать в нем и опираться на него, или же однозначно исходит из чувственного опыта естественных наук.

«Стоит мне только подумать о том, что, вот, эта моя земная особа, во всех отношениях несовершенная, наследственно обремененная, вечно болезненная, в сущности не удавшаяся ни природе, ни родителям, – сделалась бы бессмертной – и меня охватывает подлинный ужас.... Какая жалкая картина: самодовольная ограниченность, которая не собирается умирать, заполнит собою все времена.... Какая претензия и какое несчастье! После этих видений я просыпаюсь, как от тяжелого сна – к благословенной действительности, к реально ожидающей меня смерти.... Как хорошо, что она придет и поставит свою грань. Как это прекрасно, что она прекратит мою земную дисгармонию.... Милостиво укроет меня своим покровом. Даст мне прощение и отпуск. Откроет мне лучшие возможности. А я приму от нее свободу и, ободренный ею, начну восхождение к высшей гармонии»¹.

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 422, 425.

Ильин связывает воедино проблему смерти и бессмертия человеческой души. Бог – великий творец и художник, создавший этот мир и человека в мире. Мы – его искры, Его дети, Его художественные создания. «И именно в силу этого мы бессмертны. И наша земная смерть есть не что иное, как наше сверхземное рождение». Идея смерти, верное христианское понимание ее значения еще при жизни человека дает «жажду истинного качества, волю к божественным содержаниям, решение отбирать и выбирать верно, не ошибаясь и не обманываясь.... Смерть дает для всех этих различий и познаний – верный масштаб, истинный критерий».

Признание бессмертия личной души исключает мысль об окончательном, бесследном исчезновении моей духовной личности, делает эту мысль бессмысленной, слепорожденной и мертвой. «Мне предстоит долгое и блаженное восхождение к моему Творцу, к моему Отцу, Спасителю и Утешителю, – в дивовании и в молитве, в очищении и благодарении, в возрастании и утверждении. И в этом истинный смысл моего бессмертия, ибо всякое несовершенство неуместно Богу и в творении его неуместно....

Так я понимаю бессмертие человеческого духа»¹.

* * *

Необходимо особо остановиться на способах авторского изложения, на том, что сегодня принято называть формами философского дискурса. В большей части разделов «Поющего сердца» мы видим прямое авторское повествование, изложение той или иной темы с непременными, строго выверенными аргументами и достойным иллюстративным материалом. Вместе с тем Ильин довольно часто прибегает к изложению проблемы «от третьего лица» – в форме письма, напутствия, размышления,

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 435.

притчи. В «Поющем сердце» мы встречаем – письмо к сыну, письмо деда, письмо покойной матери, напутствие деда, размышления прадеда, размышление соседа о деду портном, рассказ древней старушки с лучистыми глазами, старинное предание... При чтении подобного текста читатель чувствует, что за его спиной встает Великая Духовная Традиция, уходящая корнями в Православие. Это – особый положительный консерватизм, охраняющий душу от минутной страсти, лукавых соблазнов и устремлений, всеразлагающей моды, от неразборчивого духовного потребительства.

Можно ли постичь все глубины такого литературно-философского шедевра, как «Поющее сердце» средствами и методами традиционного философского анализа с его изощренной аргументацией, горделивым интеллектуализмом и многомерной семантикой? Скорее всего – невозможно. Ни онтологические глубины сущего, ни герменевтика смыслопостижения, ни этос человеческого существования не могут в полной мере раскрыть все тайны духа. Лишь отчасти философские методы могут дать представление об окружающих нас земных обстоятельствах, которые ведут нашу мысль к вечным, нетленным сущностям. Именно поэтому в святоотеческой литературе особое место в человеческом познании придается мистическому познанию, которое является великим и безраздельным Божиим участием и Благодатью.

Великий русский поэт и мыслитель Ф.И. Тютчев выразил в образной форме пределы и ограниченность философской рефлексии и показал неизмеримые глубины сердечного созерцания:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, -
Питайся ими – и молчи.

Сердечное созерцание, сердечное пение, поющее сердце. Согласно Ильину, сердце человека видит во всем Божественное, радуется и поет, сердце светит из той глубины, где человечески-личное срастается со сверхчеловечески-божественным до неразличимости: ибо Божии лучи пронизывают человека, а человек становится Божиим светильником. Сердце поет при виде доверчивой, ласковой и беспомощной улыбки ребенка. Сердце поет, когда видит человеческую доброту. Сердце поет при виде тайн, чудес и красот Божьего мира. Сердце поет во время вдохновенной молитвы, которая есть сосредоточенная обращенность человека к Богу. Сердце поет, когда мы в искусстве созерцаем подлинную святыню, когда в мелодии земной музыки слышим голоса ангелов.

И.А. Ильин – выдающийся русский мыслитель сумел в своем сочинении открыть те глубины сердца каждого из нас, кто отзывается на его вдохновенный призыв. Приобщение к «Поющему сердцу» равносильно прикосновению к целительному источнику, который врачует наши душевные недуги и избавляет нас от духовной слепоты.

«Нам надо увидеть, и признать, и убедиться в том, что именно божественные мгновения жизни составляют истинную субстанцию мира; и что человек с поющим сердцем есть остров Божий – Его маяк, Его посредник. Итак, на земле есть только одно истинное счастье, и это счастье есть блаженство любящего и поющего сердца: ибо оно уже прижизненно вырастает в духовную субстанцию мира и участвует в Царстве Божиим»¹.

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 471.